

ВОСКРЕСНАЯ ВСТРЕЧА

«РАДИ ЭТОГО
СТОИТ ЖИТЬ...»

гом держится театр.

— Король в «Золушке», Емеля в «Емелином счастье», майор Кравошон в одноименном водевиле Лябиша, Хлестаков в «Ревизоре», Труффальдино в «Слуге двух господ»... В последнее время ты получаешь одну хорошую роль за другой.

— Не забудь, что в этом году уже десять лет, как я в Тульском ТЮЗе.

— С чем тебя искренне поздравляю. Но в то же время я знаю, как трудно складывалась твоя актерская судьба.

— Трудно. Но во всем есть своя логика. Ведь я отношусь к тому типу актеров, которых режиссеры не замечают. «А, Бугаев, сухощавый, маленький. Нет, это не Гамлет, это не Чацкий, это даже не...» Вот барьер, который мне надо было преодолеть в работе с каждым новым главным режиссером, а их у нас сменилось предостаточно. Но судьба актера, я в этом глубоко уверен, зависит прежде всего от самого актера. Работай. Напряженно работай. Считай каждую роль, самую маленькую, своей главной ролью. Если даже тебе поручили изобразить дерево или ты участвуешь в массовке. И постепенно к тебе приходит мастерство, чувство сцены, зрительного зала. Кстати, наши маленькие зрители — особые зрители. Их не обманешь, не проведешь. Они всем своим нутром чувствуют фальшь. И если актер где-то неискренен, отбывает лишь номер на сцене, они сразу это замечают и не верят его образу до конца спектакля.

С приходом мастерства приходит в какой-то мере уверенность в себе, желание сказать свое слово, выказать себя, если тебе, конечно, есть что сказать. Но все равно мне приходилось буквально доказывать режиссерам право на ту или иную роль, бомбардировать их заявками, спорить. Не всегда, далеко не всегда такой вояж оканчивался удачей, «не замечали», но все-таки мои работы на сцене все больше убеждали их, что мои возможности шире их представлений обо мне. Иного пути у меня не было. Легче всего было, конечно, уйти в себя, удариться в мировую тоску, но лично меня такая жизненная позиция привела бы к уходу из театра. А я его очень люблю. Театр очень, очень много мне дал.

— Володя, ты счастлив?

— Да. Наверное, счастлив. Вот сравнительно недавний случай. После 50-го представления «Емелиного счастья» поднимаются на сцену дети. «Дядя Володя, — обращаются они ко мне, — спасибо вам большое. Вы такой хороший сказочник. Мы вас любим». Ради таких минут стоит жить! Стоит работать.

Ю. АЛЕСЕНКО.

На снимке: Владимир Бугаев после премьеры «Ревизора».

Фото Ю. Ратникова.

все-таки уже привычном образе? У меня он более взбалмошен, бессознательно жесток. Ведь короля в его самодурстве так трудно остановить... Умные, тонкие сказки Шварца требуют от актеров особой техники, чувства современности. Мне еще очень нравится Джани Родари. С удовольствием сыграл бы на сцене герцога Мандарина. Люблю, очень люблю сказку и готов объясняться с ней в любви бесконечно. Я даже «старые» свои сказочные роли вновь бы сыграл. По-новому, разумеется.

— Ну, например?..

— С удовольствием «пересмотрел» бы «Бабу-Ягу».

— В свете, так сказать, новых требований?

— Смех-смехом, а у меня так и стоят перед глазами эти загребущие руки, алчность, злоба... Тут можно здорово сработать.

— Как ты пришел на сцену? В средней школе нам так мало рассказывают об искусстве театра, и лишь в зрелом возрасте мы начинаем догадываться, какое это замечательное искусство, насколько огромны его возможности...

— Не буду говорить, что я с детства мечтал стать актером. Но вот что отлично помню: послевоенная Махачкала, пять лет после войны, и мне пять лет. Госпиталь для тяжело раненых, война ведь долго не отпускала людей. И я выступаю перед теперь бывшими уже бойцами. Пою: «Много vareжек теплых связали, чтоб на фронт их бойцам отослать». Кто же меня научил? Женщины-медсестры. Мать работала в три смены, смотреть за мной было некому, вот я и прижился в госпитале, благо он располагался рядом с нашим домом. Среди медсестер было много удивительных женщин, добрых, отзывчивых, — если и есть что хорошее во мне, так это от них, я им столько обязан, — так вот они и подметили, что я внимательно слушаю песни, и стали учить меня. А мне пелось легко, мне нравилось выступать перед бойцами, чувствовал, как говорится, себя на месте.

Когда пошел в первый класс, то нанес визит в клуб рыбников. Представь себе: грязный, худой мальчишка стоит перед седой

женщиной, руководительницей драмкружка, и просит принять его. Приняли. Надо же, до сих пор удивляюсь! А затем уже художественная самостоятельность в школе, неистребимое желание смотреть спектакли во взрослом театре. В то время развлечений было мало, о телевизорах понятия не имели, люди охотно шли в театр. А как мальчишкам пройти? Придумали. Бросил шапку в толпу, а затем к контролеру: «Тетенька, можно шапку достать?». Вот так и проходили. Затем знакомство с Алиной Ивановной Соколовой, участницей гражданской войны, человеком большой культуры, встречавшейся в свое время с Бунинным, Купринным, Качаловым. Она сама выступала на сцене столичных театров, много видела, знала, она и посоветовала мне пойти на профессиональную сцену. Я буду благодарен этой женщине всю жизнь. Вот, собственно, начало пути. А затем — учеба, учеба, учеба... Повезло мне в том отношении, что на моем жизненном пути я встретил много хороших людей. Я и сейчас много получаю от общения с ведущими актерами нашего театра — Юрием Дмитриевичем Ратниковым, Александрой Иосифовной Граниной, Ниной Полицап, Еленой Трубицкой. Это наши ведущие или, как мы говорим, крепкие актеры. На них во мно-

Увидев на улице артиста Тульского ТЮЗа Владимира Бугаева, невольно улыбаюсь. Улыбку питает эпизод примерно семилетней давности. Тогда в театре готовили к сдаче «Винни-Пуха». Шла генеральная репетиция, и, как довольно часто бывает на генеральной, артистам и режиссеру ужасно не нравилось все, что они делают. Самые выигрышные места спектакля казались банальными и чрезвычайно неинтересными, никто на сцене не мог поймать тот единственно верный тон, который должен был создать веселую и немножко грустную атмосферу прелестной сказки.

В антракте на сцене остался ослик Иа-Иа, которого играл как раз Владимир Бугаев. Ослик, то бишь Володя Бугаев, вдруг тяжело вздохнул, прислонился к стенке и, изящным движением перекинув хвост через руку, повел такой разговор: что вот, дескать, ему, актеру Владимиру Бугаеву, страшно надоело играть ослос, петухов, кроликов, енотов и прочую живность, что ему хочется сыграть что-нибудь такое трагическое, глубокое, сильное, хочется потрясать и что он может потрясать, а ему вот предлагают, причем постоянно предлагают, что-нибудь из животного мира.

— До каких пор, товарищи, мы не будем давать таланту развернуться по-настоящему? — патетически закончил он свой монолог, обращаясь к коллегам по сцене, в том числе и к главному режиссеру. И хотя все они почувствовали, что актер, прежде всего, высказывая свою затаенную мечту, комичность симпровизированной сцены перевесила серьезную ноту. Все дружно рассмеялись. Улетучилась напряженность, вновь ко всем вернулось желание работать, и репетиция прошла хорошо. При встрече в только что прошедшие школьные каникулы я напомнил Володе о том эпизоде.

«Он поднял брови, развел руками:

— Устал я тогда страшно. Вот как сейчас. Ведь мы в каникулы играем по три спектакля в день. Ой-ой-ой, какая нагрузка, я тебе скажу. Конечно, усталостью были вызваны те слова. Ведь я, честное слово, страсть люблю играть в сказках. И когда долго не выдает таких ролей, чувствую себя немного не в своей тарелке. Чего-то не хватает. Хотя в то же время имею в репертуаре серьезные работы. Кстати, за того милого ослика я получил премию. Согласись, он вышел живым. Запомнился.

— Да. И не только мне. Многие дети, их папы и мамы долго еще вспоминали Иа-Иа, его замечательные реплики. Но вот этот страшный король в «Золушке»...

— Странный?.. Странный, потому что все привыкли к тому королю, который сыгран в кино Эрастом Гаринным. Но ведь время, личность актера, его наблюдения над жизнью — разве они не вносят изменения, не требуют тех же изменений пусть даже в блестящем, но